

5 А. М. Горький в Арзамасе

В 1901 году уже известному тогда пролетарскому писателю Алексею Максимовичу Горькому царское правительство запретило проживание в Нижнем Новгороде. Зная о революционной деятельности писателя, начальник жандармского управления настаивал на высылке его из фабрично-заводского района, «где влияние его среди рабочих вообще может выражаться в форме, весьма нежелательной для общественной безопасности и порядка». Местом ссылки был определен Арзамас. Сюда и прибыл писатель 5 мая 1902 года.

Что представлял собой в ту пору Арзамас?

Принято считать, что это был тихий, замкнутый помещичий городок, и ничто не могло всколыхнуть его сонной одури. Это представление не совсем точно. В действительности, за скорлупой тишины и покоя здесь давала знать о себе иная жизнь.

В ту пору в Арзамасском уезде насчитывалось свыше двухсот мелких металлообрабатывающих предприятий, десятки кирпичных заводов, валяльно-сапожных, шпильных, скорняжных и иных заведений. Среди рабочих было немало пришлых людей, которых пригнала сюда нужда из других уездов и губерний. В книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» дано впечатляющее описание арзамасских кустарей, придавленных непосильным гнетом. Массы трудящихся являлись благодатной почвой для пропаганды марксистских идей.

Это хорошо почувствовал А. М. Горький. Вот почему уже в первом письме из Арзамаса, адресованном К. П. Пятницкому, писатель между описанием здешнего помещанства и многозначительным намеком на цензуру, вдруг замечает: «Вообще должен сказать, что, если начальство думало, посылая меня сюда, причинить мне неприятность, — оно ошиблось».

Да, начальство явно просчиталось. Горький довольно скоро установил связь с арзамасским рабочим людом, местной группой социал-демократов, развернул активную пропаганду и последовательно выполнял важные поручения Нижегородского комитета РСДРП.

Полиция следила за каждым шагом писателя. С горькой улыбкой писал Алексей Максимович А. П. Чехову о своих первых арзамасских впечатлениях: «Тихо здесь, спокойно, воздух хороший, множество садов, в садах поют соловьи и прячутся под кустами шпионы. Соловьи во всех садах, а шпионы, кажется, только в моем. Сидят во тьме ночной под окнами и стараются усмотреть, как я крамолу пуцаю по России...».

Но писатель имел тогда уже солидный опыт конспиративной работы, и «поймать» его было не так-то просто. Он часто прогуливался в окрестностях города, любил бродить в Утешной Роше в Выездном. Здесь он встречался с арзамасскими социал-демократами, революционно настроенными сапожниками-кустарями. Известна его связь с Забродиным, членом революционного кружка, которым руководила Мария Валериановна Гопшус. По мнению исследователей, Забродин явился одним из возможных прообразов Тиунова («Городок Озуров»).

В Арзамасе Горький, по его собственному признанию, писал прокламации, а также принимал активное участие в организации подпольной типографии Нижегородского комитета РСДРП в селе Понетаевке, Арзамасского уезда (ныне Шатковского района).

Составной частью революционной борьбы писателя было его творчество. В арзамасской ссылке Горький интенсивно работал над произведениями, разоблачавшими устои капиталистического общества.

В Арзамасе писатель закончил пьесу «На дне», которая, по слова Скитальца, «прозвучала, как суровый суд над мрачной русской жизнью». Как свидетельствует учительница М. П. Грацианова, Алексей Максимович просил ее племянника, ученика Казанской художественной школы Несторована, сделать наброски декорации. Следуя указаниям писателя, юноша поселился в Арзамасе ночлежку и сделал эскиз. Горький вдохновенно трудился над пьесой.

— По моем приезде в Арзамас, — вспоминает друг и родственник писателя А. Е. Богданович, — он читал мне отдельные сцены из этого произведения, которые он считал наиболее удачными, и, между прочим, сцену предсмертного напутствия Лукою умирающей Анны. Читал с большим одушевлением эту превосходную сцену и создавался, что писал ее со слезами на глазах. И когда читал мне, у него на глазах показались слезы. Хорошие это были слезы!

Небезинтересно отметить и такую деталь: в кружке выездных кустарей в присутствии Алексея Максимовича распевали песню, которая вошла в пьесу «На дне» — «Солнце всходит и заходит...».

В Арзамасе писатель работал также над начальными сценами пьесы «Дачники». В письме к Пятницкому от 20 или 21 июня Горький прямо указывал на цель своей новой работы: разоблачить ренегатство буржуазно-демократической интеллигенции, оторвавшейся от народа, а также «легалных марксистов» типа Струве, Бердяева,

Булгакова. «Начал писать еще пьесу «Дачники», — сообщает из Арзамаса писатель. — Думаю изобразить современную «буржуазно-материалистическую интеллигенцию», как выражается Бердяев. Очень хочется подарить «всем сестрам по серьгам», в том числе и Бердяеву небольшие.

Чувствую я, что в воздухе носится новое миропонимание, миропонимание демократическое, а уловить его — не могу, не умею. А — носится и зреет».

Письма Горького и воспоминания современников свидетельствуют о том, что в арзамасской ссылке была задумана и философско-лирическая поэма «Человек», прозвучавшая как гимн активному, революционному отношению к действительности, прославление возможностей человеческой силы и разума. И не случайно. Нравы помещичьей среды городка, где «по улицам... ходят свиньи, полицейские и обыватели» с видом «сущств, совершенно лишенных каких-либо активных намерений» (слова Горького), естественно, рождали протест против вязкой тины застоя, устремляли мысль и чувства художника к революционно-преобразующим началам жизни.

Этому способствовало широкое общение писателя с различными слоями арзамасского общества. В одном из писем Чехову Алексей Максимович писал через три-четыре дня после приезда в Арзамас: «Никто ко мне — кроме разных людей низкого звания — не ходит, опасаясь, что визит такой может наложить пятно неблагонадежности...». Однако уже через неделю он сообщает Пятницкому: «Начинаю вступать в местное общество. Здесь, как и на всех других точках земли, тоже есть хорошие люди».

Горький, видимо, имел в виду не только революционно настроенных рабочих-кустарей, но и местную интеллигенцию, сочувствовавшую демократическим идеям. Несмотря на строжайшее запрещение посещать писателя, у него нередко бывал инспектор народных училищ А. М. Храбров, учителя окрестных селений.

Однако первым, кто не побоялся прийти к писателю, был священник Федор Иванович Владимирский, один из примечательнейших людей уездного городка. Все дети его были революционерами. Сын Михаил Федорович, с которым Алексей Максимович встречался в марксистских кружках Нижнего еще по приезде из Самары, стал впоследствии видным деятелем Коммунистической партии и Советского государства.

Писатель нередко беседовал с Федором Ивановичем, горячо сочувствуя и под-

держивая его непоколебимую веру в человека. Описывая новое знакомство, Алексей Максимович сообщал Пятницкому: «Как приятно встретить среди сонных, трусливых баранов и жадных, тупых волков — упругую человеческую энергию, неуклонное стремление к цели сквозь трясины всякой глупости, пошлости и жадности! Сидел он, по, у меня сегодня, читали мы с ним книжку Мадзини, восторгался поп и говорил мне, подмигивая: «А? Человек-то? Что есть лучше человека? Ничего нет, сударь мой! Так и знайте — ничего нет! И другим поведайте — нет ничего, что было бы лучше человека в мире сем!».

И Горький действительно поведаль об этом в четвертом акте пьесы «На дне», который он дописывал в те дни: «Человек — вот правда!.. Человек!.. Это звучит гордо!».

Алексей Максимович живо заинтересовался кропотливой работой Ф. Владимирского по устройству водопровода. Этому делу Федор Иванович отдал свыше двадцати лет жизни. В городе не было воды. Бедняки пили рыхую жижицу из оврага «Сороки», поскольку Теша настолько была отравлена кожевенными фабриками, что от ее воды отворачивалась даже скотина. Богатые же обыватели возили бочки воду из лесных озер. Ф. Владимирский, обнаружив в четырех верстах от города в Мокром овраге прекрасную ключевую воду, принялся собственными средствами соорудить водопровод. Нельзя не отметить, что в один из наиболее затруднительных моментов строительства Алексей Максимович Горький пожертвовал безвозмездно тысячу рублей, оказав серьезную поддержку этому благородному делу.

Вместе с Федором Ивановичем Горький частенько бывал на Мокром овраге. Арзамасский старожил И. Ф. Казарин недавно рассказывал нам о своей встрече с писателем:

— Это было летом 1902 года. Мне исполнилось тогда 15 лет. С товарищами мы часто ходили на Мокрый овраг. По воскресеньям там всегда находилось много гуляющей публики. Там же были колодцы, из которых жители качали воду. У водокачки всегда толпилось по 10—15 человек с бочками. Однажды с бочкой пришел и я. Качаю-качаю, и только руку опушу, чтобы отдохнуть, как вся вода убегает вниз. А накачать надо было 40 в. эр. Мужики подняли шум, стали ругать меня.

Вдруг подошел человек и улыбнулся: что, мол, мальчишку ругаете. Он видел это из лесу, из оврага наблюдал.

— Мальчишка озорует, задерживает всех.

Человек пошутил:

— Силенок ведь у него маловато, чего с него взять.

И мужики перестали ругаться. Потом я узнал, что это был Горький.

В 1912 году, когда, наконец, состоялось открытие городского водопровода, Горький, находившийся тогда на Капри, прислал Владимирскому письмо, в котором взволнованно вспоминал совместные прогулки по Мокрому оврагу и поздравлял его с тем, что героические труды увенчались успехом.

С именем Горького связано основание в Арзамасе Некрасовской библиотеки. До ее организации в Арзамасе существовала лишь библиотека реакционного Кирилло-Мефодиевского братства. В ней содержались книги главным образом черносотенного и попковского пошиба. Алексей Максимович явился инициатором открытия общедоступной библиотеки и для начала пожертвовал ей большое количество научной и художественной литературы. В течение ряда последующих лет писатель продолжал присылать в Арзамас посылки с книгами. Некоторые из них хранятся и поныне в областной библиотеке, которая носит теперь имя Горького.

Трудно в небольшой статье раскрыть все стороны многогранной жизни и деятельности А. М. Горького в период арзамасской ссылки. Можно было бы рассказать об интересе писателя к художественной школе Ступина, как о том свидетельствуют современники; о пожертвовании книг для устройства читальни села Корнино, Арзамасского уезда. Живя в Арзамасе, Горький продолжал активно сотрудничать в прогрессивном демократическом издательстве «Знание», читал рукописи молодых авторов, помогал им настойчиво бороться с упадническими настроениями отдельных писателей. Так, прочитав одну из книг Ремизова, впоследствии реакционного писателя-декадента, Горький писал ему из Арзамаса: «Произведение Ваше я внимательно прочитал. Не сердитесь — очень оно мне не понравилось. Похоже на истерические вопли, и не думаю, чтобы способствовало оно подъему духа человеческого на должную, для борьбы за жизнь, высоту».

Сам Алексей Максимович неустанно боролся за подъем человеческого духа и энергии, за революционное преобразование жизни. Яркое свидетельство тому — его жизнь и работа в Арзамасе.

Арзамасская ссылка (она продолжалась до сентября 1902 года) оставила определенный след в творчестве Горького. Картины уездного городка, которые довелось наблюдать писателю в Арзамасе, запечатлены в его очерке о Леониде Андрееве, в лирически проникновенном рассказе «Как сложили песню», в зарисовке «Городок» из цикла «Воспоминания. Записи из дневника». В заметках этого же цикла — «Люди наедине сами с собою», «Вместо

послесловия» и рассказе «Как я учился», также имеют место отдельные эпизоды, связанные с пребыванием в Арзамасе. Все эти произведения убеждают: да, сквозь тусклую непроницаемость уездной глуши великий художник сумел увидеть и запечатлеть неисчерпаемые силы народа, стойкого, умного, талантливого, народа, которому принадлежит будущее.

Арзамасские впечатления лежат также в основе художественных полотен «Окурковский цикл» — «Городок Озуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», воллотивших существенные черты звериной глуши десятков и сотен уездных городков, подобных Арзамасу.

В 1930-31 годы А. М. Горький создает сцены пьес «Евграф Букеев» и «Христофор Букеев», которые являются, по видимому, вариантами одного и того же драматического произведения. В обоих отрывках фигурирует образ попа Самсона, который упорно строил для городка водопровод, несмотря на препятствия со стороны богачей. В этом образе без труда угадывается Федор Владимирский. Дело не только в том, что действие происходит в городке, насчитывающем 10 тысяч жителей (как это было в Арзамасе). В пьесе указывается, что дети попа Самсона пошли в революцию (как мы знаем, это характеризовало и семью Ф. Владимирского).

К сожалению, оба наброска остались незаконченными, и трудно предполагать, насколько широко в других образах и ситуациях могли отразиться арзамасские впечатления.

Двадцать лет прошло с той поры, как перестало биться сердце могучего художника слова. Многие изменилось на земле за эти годы, многое переменялось и в Арзамасе. Трудящиеся нового областного центра глубоко чтут память писателя. Десятки людей приходят в эти дни к дому № 17 по улице Карла Маркса, где жил он в пору арзамасской ссылки, в областную библиотеку имени А. М. Горького, где организована выставка подаренных писателем книг.

И думается, что не будет неуместным, если в этот день мы снова обратим внимание областных организаций на необходимость создания в Арзамасе краевого музея, в котором значительное место было бы отведено Горькому. Это явилось бы заслуженной данью арзамасцев основоположнику советской литературы Алексею Максимовичу Горькому.

Л. ШИНКАРЕВ.